

использованных в хрестоматии источников и выборочная библиография общих трудов, справочников и словарей. О существовании аналогичных изданий на русском и болгарском языках Караяннопулос не упоминает.

Сам автор разделил свой материал на 4 части: Теория императорской власти, Римейское (византийское) государство, Административное устройство. Общественная жизнь и экономика. В действительности же книга распадается на две неравные части: первая из них посвящена государственно-административной структуре и, кстати сказать, именно сюда должен быть отнесен первый раздел 4-й части («Императорский двор»); все это занимает с. 7—166. Вторая часть (с. 167—235), освещающая хозяйственную и общественную жизнь империи, вдвое меньше первой. Культурная жизнь Византии не нашла своего специального места, если не считать случайных подразделов, как-то «Образование» (с. 194 и сл.) и «Врачи и учителя» (с. 203).

В первой части первостепенное внимание уделяется организации армии и флота (с. 67—93) и, что особенно примечательно, византийской дипломатии (с. 113—130) — вопросу, как известно, почти совершенно не освещенному в специальной литературе. Напротив, кажется неожиданным сравнительно незначительное место, отведенное греческим историком церкви (с. 131—139). Вторая часть распадается на три раздела: Общая характеристика византийского общества (с. 167—195), Город (с. 196—219) и Аграрные отношения (с. 220—235). Распределение материала между ними не всегда представляется достаточно оправданным или во всяком случае единственно возможным. Так, скажем, почему подразделы о патронате (с. 172 и сл.), мерах против династов (с. 173—179), пронии (с. 184 и сл.) оказались не в разделе «Аграрные отношения»?

Материал не распределен по периодам и даже внутри подразделов далеко не всегда располагается в хронологической последовательности, отчего создается впечатление абсолютной неизменности византийских общественных и политических порядков, что, насколько я понимаю, соответствует концепции автора книги.

При всех этих возражениях, отчасти объяснимых известной новизной жанра, книга Караяннопулоса окажет немалую службу всем изучающим внутреннюю историю Византии, и не только греческим студентам, на которых она в первую очередь рассчитана.

А. К.

Eusebius Werke, I, 1: Über das Leben des Kaisers Konstantin. Herausgegeben von F. Winkelmann. — «Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte». Berlin, Akademie-Verlag, 1975, LXX+266 S.

Ф. Винкельман переиздал памятник, давно уже вошедший в научный оборот, — «Жизнеописание императора Константина», приписываемое всей рукописной и исторической традицией Евсевию Кесарийскому. В основу издания положена Ватиканская рукопись (Vat. gr. 149) первой половины X в., которая, однако, не дает безупречного текста и, в частности, обнаруживает ряд пропусков и мелких погрешностей; поэтому Винкельман использует как другие манускрипты, в том числе пергаменный Московский список (ГИМ № 405)¹, так и то, что он называет «непрямой традицией», т. е. параллельные свидетельства (текст части константиновых документов, приводимых в «Жизнеописании» II, 24—42, с. 58—66, содержится в приложении к евсевию «Церковной истории»; другие документы передаются в сочинениях церковных историков конца IV—V вв. Геласия Кесарийского, Сократа, Феодорита Киррского и др. — подчас в лучшей форме, нежели в списках «Жизнеописания») и поздние жития Константина, из которых древнейшие не имеют параллелей с Евсевием и, следовательно, не дают материала для критики текста «Жизнеописания». Только в константинопольском минологии начала XI в. и в житии из пергаменной рукописи XII в. (Vat. gr. 822) было использовано сочинение Евсевия, причем сохранившиеся списки дают подчас лучший текст, нежели рукописи «Жизнеописания», или же совпадают с Московским и другими манускриптами, расходясь с Ватиканским. Это обстоятельство позволило Винкельману подчеркнуть известную достоверность традиции, сохраненной Московским манускриптом².

В издании Винкельман стремился по возможности опираться на рукописные тексты, избегая вкусовых конъектур, основанных на стилистических принципах. Он считает, что Евсевий далеко не всегда руководствовался нормами классического языка и что «Жизнеописание» не было им окончательно отредактировано, сохранив в силу этого стилистический разноречивый. Поэтому там, где рукописи предлагают осмысленный

¹ Каталог архимандрита Владимира относит эту рукопись к XI в., Винкельман датирует ее XII в., однако, по мнению Б. Л. Фонкича, она написана литургическим минускулом XIV столетия.

² В предисловии Винкельман суммирует и развивает выводы, сделанные им ранее. См. прежде всего *Winkelmann F. Die Textbezeugung der Vita Constantini des Eusebii von Caesarea*. Berlin, 1962. Обзор агиографических легенд о Константине см. *Winkelmann F. Ein Ordnungsversuch der griechischen hagiographischen Konstantin-viten und ihrer Überlieferung*. — In: «Studia byzantina», II, 1973.

текст, издатель воздерживался от правки. Хотя константиновы документы переданы в «Жизнеописании» в худшем виде, нежели в параллельных свидетельствах, Винкельман и здесь исправлял текст лишь в случае крайней необходимости, полагая, что видоизменение текста принадлежало самому Евсевию, а не переписчикам.

В предисловии издатель характеризует также прежние публикации и переводы «Жизнеописания»³ и останавливается на некоторых проблемах, связанных с этим памятником. Проблем этих немало. Прежде всего — вопрос об аутентичности «Жизнеописания», который Винкельман решает положительно (с. LVI), допуская лишь «незначительные позднейшие вторжения в немногих местах»; правда, к числу этих «немногих мест» он относит и столь важную часть «Жизнеописания», как рассказ о видении Константина, предшествовавшем его обращению в христианство⁴. Позитивное решение вопроса об аутентичности ставит Винкельмана перед новой трудной проблемой: он констатирует, как я уже говорил, стилистический разноречивый «Жизнеописания» и думает найти объяснение в том, что Евсевий многократно перерабатывал книгу, вставляя в нее куски из других сочинений и умер, так и не завершив стилистической унификации (с. LVII). К сожалению, это — чисто гипотетическая конструкция, не опирающаяся на какие-либо прямые известия о творческой активности Евсевия.

Еще одна проблема — природа так называемых константиновых документов, включенных в «Жизнеописание». И в этом случае Винкельман решает вопрос в пользу их достоверности (с. LI, прим. 1), что подкрепляется прежде всего наличием папируса (Pap. Lond. 878), содержащего часть эдикта Константина от 324 г., отменявшего в Палестине антихристианские мероприятия Ликиния. Однако по-прежнему остается необъясненным несоответствие (в частности, стилистическое) между подлинными актами Константина, включенными в кодексы, и евсевиевыми документами.

Стилистические особенности «Жизнеописания» заслуживают всяческого внимания⁵, особенно если считать его произведением аутентичным. Винкельман ценит его невысоко (с. LII и сл., LVII и сл.), хотя и делает скидку на плохое состояние рукописной традиции. Здесь, однако, возникают два дополнительных вопроса: во-первых, в сколь большой степени стиль «Жизнеописания» разнится от стиля других сочинений Евсевия и, во-вторых, насколько отмеченные Винкельманом черты (с. LXI и сл.) — нагромождение синонимов, аллитерации, плеоназмы и т. п. — являются показателем дурного вкуса и насколько — предвестником византийской литературной манеры.

И наконец, последнее. Винкельман (с. XXVII и сл.) подчеркивает негативное отношение к «Жизнеописанию» со стороны византийцев (и в частности Фотия), видевших в его авторе арианина. Как известно, Фотий читал и другие сочинения Евсевия (Cod. 9—13, 27, 39), и если «Церковная история» не вызвала его возражений, то «Опровержение и Апологию» ученый патриарх осудил и за стиль, и за кощунство в богословских вопросах. Именно за эти пороки бранит он и «Жизнеописание».

По всей видимости, решение «евсевиевых проблем» может быть найдено лишь при изучении его наследия в совокупности. Академия наук ГДР сделала важное дело, приступив к его публикации

А. К.

Иноязычные источники об Армении и армянах, т. 8. Сирийские источники, вып. 1. Перевод с оригинала, предисловие и примечания Г. Г. Мелконяна. Ереван, 1976, 478 с. (на арм. яз.)

Значение сирийских источников для изучения средневековой истории стран Ближнего Востока общепризнано. В советской историографии заслуга включения этих источников в научный оборот, тщательного комментирования и перевода на русский язык важнейших сирийских памятников принадлежит Н. В. Пигулевской.

³ Следовало бы также отметить русский перевод «Жизнеописания», см. *Евсевий Памфил*. Сочинения, т. II. СПб., 1850, с. 51—285.

⁴ См. подробнее *Winkelmann F.* Zur Echtheitsfrage der Vita Constantini des Eusebii von Caesarea. — In: «*Studii Clasice*», 3, 1961; *idem.* Zur Geschichte der Authentizitätsproblem der Vita Constantini. — «*Klio*», 40, 1962. Новые работы о неаутентичности и интерпретациях в «Жизнеописании»: *Cataudella M. R.* Sul problema della «Vita Constantini» attributa a Eusebio di Cesarea. — «*Miscellanea di studi di letteratura cristiana antica*», 13, 1963 (под тем же названием в «*Oikumene*», 2, 1964); *idem.* La persecuzione di Licinio e l'autenticità della Vita Constantini. — «*Athenaeum*», 48, 1970; *Speigl J.* Eine Kritik an Kaiser Konstantin in der Vita Constantini des Euseb. — In: *Wegzeichen*. Festgabe H. Biedermann. Würzburg, 1971; Cp. *eme De Salvo L.* Il conflitto fra Costantino e Licinio nel racconto della Vita Constantini. — In: *Umanità e storia*. Scritti in onore di A. Attisani, II. Messina, 1971.

⁵ См. об этом: *Попова Т. В.* Художественные особенности сочинения Евсевия Кесарийского Vita Constantini. — ВВ, 34, 1973. В отличие от Винкельмана Попова видит в «Жизнеописании» «произведение, которое свидетельствует о весьма смелых и действительных (курсив мой. — А. К.) попытках христианского автора найти новые возможности художественного выражения» (с. 129). Тезис этот, правда, остается недоказанным.